

Посвящается Кортни

РАННЯЯ ПТАШКА

— Саймон, пригнись!

Саймону Торну хватило одного только взгляда на огромного лося, целящегося рогами ему в голову. Он уставился на сохатого огромными от ужаса глазами и рухнул на песок, чтобы как можно скорее добраться до края ямы. Лось, запрокинув голову, захохотал.

— Что будешь делать, Саймон? — поинтересовался Малкольм с трибуны, окружавшей тренировочную площадку. С бешено колотящимся сердцем Саймон вжался в каменный барьер, но его крепкий темноволосый дядя не показал ни единого признака тревоги. Он всегда вёл себя так на ежедневных утренних тренировках, какое бы животное

на Саймона ни нападало. Это было даже как-то обидно.

— Да, Саймон, — насмешливо бросил лось, подсакивая к нему. — Как собираешься выпутываться?

Саймон поднялся на ноги, пошатываясь, но не сводя с лося взгляда. Тот возвышался над ним, и Саймон подозревал, что, выйди на бой его дядя, лось превзошёл бы в размерах и его. А Малкольм, в отличие от маленького для своего роста Саймона, был высоким и довольно широкоплечим мужчиной. Мало какой человек или зверь захотел бы добровольно с ним связываться.

— Сбегу, — просто ответил Саймон.

— Сейчас тебе не сбежать. Ещё варианты? — спросил Малкольм. Он был прав, разумеется. Даже если бы Саймон выбрался из ямы, он бы всё равно никуда не делся из ПРИЮТа — Передового результативного института для юных талантов, спрятанного глубоко под зоопарком Центрального парка, где тренировались студенты-анимоксы. До недавнего времени Саймон не мог даже представить, что подобное заведение может существовать, и уж тем более не думал, что когда-то будет в нём учиться.

С самого детства Саймон жил в Нью-Йорке, считая себя совершенно обыкновенным маль-

чиком. Но год назад он неожиданно обнаружил в себе способность говорить с животными — и ничего обыкновенного в этом не было. Конечно, он никому об этом не рассказал — ни маме, ни дяде Дэррилу, который его вырастил. На протяжении целого года вся школа считала его сумасшедшим, и поначалу он думал, что так оно и есть.

Но Саймон не сумасшедший. Он анимокс — человек, способный не просто общаться с животными, но и превращаться в них. Разумеется, сначала он в это не верил, как не поверил бы любой разумный семиклассник. Но потом прямо на его глазах дядя Дэррил превратился в огромного серого волка, и весь мир перевернулся.

Сейчас, два месяца спустя, вместо того чтобы учить математику с географией, как большинство двенадцатилеток, Саймон сражался с лосем. Если ему не сбежать, то что тогда делать?

— Драться? — предположил он. Он старался не моргать, и изображение потихоньку начинало расплываться. Но он знал, что стоит ему проявить хоть малейшую слабость, и лось на него нападёт.

— С тем, у кого такие рога? Не пойдёт, — сказал Малкольм. Краем глаза Саймон заметил, что дядя строгаёт какую-то деревяшку. Чудно. Он на него даже не смотрел.

— Я не стану превращаться, — отрезал Саймон, медленно подбираясь к выходу, ведущему

в остальные помещения школы. Дверной проём был слишком узким — лось со своими рогами туда бы не прошёл.

— Рано или поздно придётся, Саймон, — сказал Малкольм. — Ты не сможешь подавлять свою сущность вечно.

«Это мы ещё посмотрим», — подумал Саймон, пусть и не рискнул озвучить вслух. Вместо этого он пробормотал:

— Ну, я хотя бы не лось.

Тот в ответ издал странный звук, похожий на нечто среднее между стоном и ржанием.

— Не нравятся мои рога? Ладно. Посмотрим, как ты теперь запоёшь.

Спустя мгновение лось начал меняться — настолько быстро, что Саймон едва успел осознать, что происходит. Рога исчезли, тело и длинные ноги уменьшились, а коричневый мех сменился на чёрный с длинной белой полосой на спине. Не успел Саймон моргнуть, как лось пропал, и на него уставился скунс.

Развернувшись, Саймон бросился к двери, дёрнул за ручку и застонал, когда она не поддавалась. Он был заперт.

— Дядя Малкольм! — недовольно воскликнул он. Тот вскинул взгляд.

— Чтобы посторонние не вошли, — пояснил он, хотя было настолько рано, что Саймон очень

сомневался, что кто-то из учеников уже проснулся.

Скунс подскочил к нему, поднимая пушистый хвост.

— Угадай, что я могу.

— Я и так знаю. Доказывать не обязательно, — сказал Саймон, напряжённо оглядываясь и ища пути отступления. Единственный вариант — перелезть через стену и забраться на трибуны, но скунс прижал его к двери.

— Вчера на ужин была целая гора фасоли, — сказал он, повернувшись к Саймону хвостом. — Так и чувствую, что-то сейчас будет.

Выбора не осталось: Саймон кинулся вперёд и перепрыгнул скунса в тот момент, когда тот выпустил вонючую струю. Зажав нос, Саймон взбежал по трибунам так высоко, как только мог. Но запах оказался настолько сильным, что по пути наверх пришлось сдерживать рвотные позывы.

— Нолан! — Вот теперь дядя Малкольм обратил на них внимание и встал, тоже зажимая нос. — Что ты творишь?

— Пытаюсь заставить его взлететь, как ты и просил, — ответил скунс, возмущённо распушив хвост. — И пахнет не так уж плохо!

— А ты попробуй превратиться обратно в человека, посмотрим, как тогда ты запоёшь, — крикнул Саймон с самого верха.

Нолан фыркнул.

— Ты как ребёнок, — сказал он и, словно в качестве доказательства, вновь начал превращаться. В этот раз он решил не превращаться в животное: чёрно-белый мех на голове стал каштановыми волосами, лапы удлинились до размеров человеческих рук и ног, а мордочка с маленькими глазками поменялась на лицо, и тогда на месте скунса оказалась точная копия Саймона в точно такой же чёрной форме ПРИЮТа.

Саймон познакомился с Ноланом всего два месяца назад, когда безуспешно пытался пробраться в школу и найти пропавшую маму. Всю жизнь до этого Саймон провёл в нескольких километрах, в квартире в Верхнем Вест-Сайде — а вот Нолан с мамой жили под зоопарком Центрального парка. Она навещала Саймона только в Рождество и на дни рождения, и мысли об этом до сих пор иногда его расстраивали. Она ни разу даже не упомянула, что у Саймона есть брат-близнец.

Думы Саймона прервали звуки рвотных позывов брата, стоящего на дне ямы. Долго Нолан терпеть не смог: он со всех ног бросился по трибунам к спиральной лестнице.

— Какая гадость! — заорал он, забежав на верхний этаж, где располагался офис дяди Малкольма.

— Саймон... — начал было тот.

— Я не виноват, это всё Нолан! — откликнулся он, кидаясь вслед за братом и оставляя дядю ворчать в одиночестве.

Выбравшись из ямы, Саймон глубоко вздохнул и тут же понял, что вонь пропитала одежду насквозь. Восхитительно. В школе его и так не особо любили — а если он пойдёт на завтрак, воняя, как скунс, то даже друзья начнут его избегать.

Саймон поправил повязку на рукаве, переворачивая силуэт орла на внутреннюю сторону руки, чтобы его не было видно. Впервые в орла он превратился два месяца назад, и, хотя в целом летать было невероятно круто, в ПРИЮТе он был единственной Птицей. Его дедушка, Орион, предводитель Птиц, начал войну со зверями задолго до рождения Саймона, а поскольку школой управляли именно они, птиц в неё не брали. Саймона пустили только потому, чтобы он был братом Нолана.

— Помоги дяде Малкольму убраться в яме, — сказал Саймон, отыскав брата в коридоре верхнего этажа. Ученикам сюда ходить было нельзя, но поскольку Малкольм не просто директор ПРИЮТа, но и Альфа всего Звериного Царства, никто Саймона с Ноланом не ругал.

Нолан скривился.

— Сам помоги. Если бы ты превратился, не пришлось бы на тебя нападать.

— Говорил же, не люблю летать в яме, — ответил Саймон. И хотя он не соврал, была ещё одна причина — куда более важная, — по которой он не любил превращаться на людях.

Все анимоксы умели превращаться только в одно животное Пяти Царств: зверей, птиц, насекомых, рептилий или подводных животных. А Нолан был исключением. Он потомок Звериного короля, тирана, который мог превращаться в любое животное, из-за чего победить его было практически невозможно. И хотя прошло уже пятьсот лет с момента, как пять царств объединились и свергли его, род Звериного короля продолжился. К нему принадлежал отец Саймона и Нолана. Он был наследником Звериного короля — а потом его убили. Два месяца назад выяснилось, что способности перешли к Нолану, и именно поэтому дядя Малкольм запирает двери в яму, несмотря на очень раннее утро, когда на небе ещё даже не показалось солнце. Если бы кто-то узнал про существование потомков Звериного короля, Пять Царств снова бы охватила война — и на этот раз все пытались бы убить Нолана.

Саймон не мог этого допустить. Но вместе с тем не мог раскрыть и свою тайну — настоящую причину, по которой он не хотел превращаться, когда его кто-то видит. Не мог рассказать даже Нолану. Особенно Нолану. Несмотря на шаткий мир, на-

ступивший после напряжённого знакомства. И это ещё мягко сказано! Саймон уверен — стоит Нолану выяснить, что он не такой уж и особенный, брат снова его возненавидит.

— Просто помашаи немного крылышками, и дяде Малкольму этого хватит, — раздражённо сказал Нолан. — Не понимаю, чего ты упрямисься.

— Ничего, когда-нибудь перестанет, — раздался за их спинами голос Малкольма. Видимо, он пошёл за ними. — А ты перестанешь использовать только звериные формы и начнёшь превращаться в представителей других Царств.

— Я постоянно превращаюсь в других животных, — сказал Нолан, запихивая руки в карманы и останавливаясь перед дверью кабинета Малкольма. — Вчера — в ястреба, например, а позавчера — в аллигатора.

— Звери — самое маленькое Царство, — сказал дядя, — но во время тренировок ты практически всегда выбираешь его. Если хочешь научиться защищаться, то придётся отточить превращения в представителей всех Царств. И, — добавил он, — пора начать за собой убирать. Мне не открыть яму, пока в ней воняет скунсом.

— Пусть Саймон убирается, — фыркнул Нолан.

— Но ты же виноват, — ответил тот. — Нет уж, не буду я за тобой убирать.

— Но я же из-за тебя...